

Кристина
Компос

Лимонный
хлеб
с маком

МОСКВА
2023

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44
К18

Cristina Campos
PAN DE LIMÓN CON SEMILLAS DE AMAPOLA
Copyright © Cristina Campos, 2016

Перевод с испанского *Геннадия Петрова*
Художественное оформление *Дарьи Васильченко*

Кампос, Кристина.

К18 Лимонный хлеб с маком / Кристина Кампос ; [перевод с испанского Г. Петрова]. — Москва : Эксмо, 2023. — 448 с. — (Кинопремьера мирового масштаба).

ISBN 978-5-04-176677-1

Две сестры с разными судьбами. Анна провела всю жизнь на родной Майорке, в браке с нелюбимым мужчиной. Марина получила лучшее медицинское образование и объездила полмира, работая в гуманитарной организации. Неожиданное наследство в виде пекарни, доставшейся им от таинственной женщины по имени Долорес, становится причиной воссоединения двух сестер спустя долгие годы разлуки.

В попытках наверстать упущенное и разгадать главный секрет жизни Долорес, Анна и Марина сталкиваются со старыми семейными конфликтами и учатся бороться за собственное счастье.

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44

© Петров Г., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-176677-1

Анна тщательно составила подробный план своих похорон. Не кто иной, как возлюбленный, лаская ее грудь, нащупал тот самый крошечный кусочек смерти, который через год заберет у него Анну навсегда. А в последние двенадцать месяцев существования она, наконец, возьмет бразды правления своей жизнью в собственные руки.

За несколько дней до кончины Анна изложила все необходимое в письме, отправленном сестре Марине. Согласно высказанной воле, на похоронах должны присутствовать только дочь и муж покойной, а также несколько подруг. Им надлежит собраться на скалистом берегу горного хребта Сьерра-де-Трамонтана, на острове Майорка, и зачитать текст, который она адресовала им всем. А затем совместно предать ее прах морской стихии.

Никто из явившихся на уединенное погребение не знал, почему Анна собрала их в столь отдаленном от остального мира месте. Однако все они прибыли туда, на мыс Са-Форадада, выполняя ее последнюю волю. К которой, казалось, прислушался даже бриз, едва ощутимый, как ей, наверное, и хотелось бы. Умиротворенное море напоминало безразмерный плот.

Дочь приняла урну с прахом из рук своего отца и прошла в одиночестве несколько метров, пытаясь побыть

с мамой еще хотя бы считанные секунды. Она присела на край утеса и, обняв урну, закрыла глаза и позволила слезам постепенно оросить останки матери.

Марина приблизилась на несколько шагов к племяннице, но остановилась. Опустила глаза и снова произнесла про себя слова, которыми сестра одарила ее перед смертью.

Дорогая сестра, дорогая подруга.

Мне хотелось бы, чтобы всякий раз, когда будешь вспоминать обо мне, о нас, ты вычеркивала из памяти последние тридцать лет нашей жизни и возвращалась ко дню, когда нас разлучили. Ибо я относилась к тебе как к младшей сестренке, моей подруге, моей наперснице. И почувствовала, что душа моя разрывается на куски, когда ты покинула нас почти навсегда. Тогда тебе только исполнилось четырнадцать. Я так и не поняла причину твоего отъезда.

Когда ты уехала, я с тоской вспоминала наши прогулки на напном баркасе. Помнишь, как он любил свою старую деревянную посудину? Наверное, чуть ли не больше, чем нас с тобой...

Ее глаза ощупали море, то самое, которое приютило их и наблюдало за тем, как они взрослеют. Она позволила своей памяти медленно поплыть на старом баркасе к воспоминаниям о детстве через бухты на севере острова, пристально высматривая защищенные от ветра. И увидела сидящую на носу лодки Анну, молодую, хрупкую, светлокую, в белом полотняном платье с узкими бретельками, обнажавшими ее декольте и изящную фигурку. Светлые волосы развевались на нежном ветру летних месяцев на острове. Анне нравилось погру-

жать руки в воду и играть с небольшими волнами, разбивавшимися о корпус баркаса. Она зачерпывала воду ладонью, медленно раздвигала пальцы, чтобы дать воде постепенно вернуться в море. А потом — все сначала.

Там, на ветхом деревянном баркасе, они делились событиями своей жизни, смеялись, ссорились, мирились или просто проводили часы в тишине, убаюканные морским бризом, пока их отец не возвращался на борт с каким-нибудь подводным сокровищем... в его оценке.

Марина вложила письмо в конверт и вспомнила последнюю совместную прогулку на лодке. Тогда не произошло ничего особенного, запоминающегося или уникального. Они просто озвучили три слова, которые обычно не произносят между сестрами. Их семейство первым в начавшемся сезоне вывело свой баркас из порта Вальдемосы и отправилось в поисках самой безлюдной бухты, куда не проникали отдыхающие. Встали на якорь в бухте Дейя, красивом заливе, окруженном горами. Нестор бросил якорь и не замедлил погрузиться в воду сам. А они вдвоем развернули белый брезент, чтобы укрыться от солнца.

— Можешь заплести мне косу?

Марина присела на носовую скамью. Сняла резиновое колечко, стягивающее ее растрепанную черную гриву. Анна провела пальцами по ее голове, разделила волосы на три части и sprыснула морской водой. Потом медленно сплела волосы в косу. Наслаждаясь каждым движением, она перекрещивала пряди и вдруг подумала, что никогда больше не сможет причесать сестру; вместе они не отправятся на прогулку по морю. Она боялась, что никогда ее не увидит. И капли морской влаги высохали вместе со слезами на волосах Марины. Сестры грустно переглянулись маленькими карими глазами, унаследованными

от отца, — тот обмен взглядами они сохраняют навсегда. И, наконец, Анна вымолвила три слова, которые обычно не звучат между сестрами. Она села рядом, склонила голову на плечо Марины и сказала:

— Я тебя люблю.

Марина положила письмо в карман жакета и посмотрела на испуганную девочку, продолжавшую обнимать урну с прахом матери, выплакав все слезы.

«Позаботься о моей дочке, умоляю, — говорилось в письме. — Она теряется в поисках себя. Не оставляй ее, пожалуйста, в этом странном подростковом возрасте».

Она подошла к племяннице и села рядом на краю утеса.

— Отпустим ее? — мягко произнесла Марина.

Девочка кивнула, медленно поглаживая урну напоследок.

Тишину взорвал рев мощного мотоцикла. Марина обернулась. Незнакомый ездок извлек ключ из замка зажигания и спешил. Снял шлем, водрузил на седло. Выглядел он неуверенным, его жесты казались нерешительными. И вроде бы никто из присутствующих не был с ним знаком.

Марина сразу же поняла, кто этот неожиданный незнакомец, и только ей было известно, почему он объявился. А также зачем Анна выбрала это место для прощания с любимыми людьми, со всем миром. И с ним.

1

МАТЕРИНСТВО, ИЛИ «ЫНДЖЕРА»¹

ИНГРЕДИЕНТЫ:

300 г тефовой муки,

250 мл воды,

1 щепотка соли.

СПОСОБ ПРИГОТОВЛЕНИЯ:

ГОТОВИТСЯ В КЕРАМИЧЕСКОЙ «МОГОГО»

Смешай тефовую муку² с водой и солью и дай отстояться в миске, накрытой тканью. Необходимо дождаться брожения в течение одного-трех дней.

Налей немного масла в «могого» и поставь на средний огонь. Помести тесто в «могого» и дай ему обжариться. «Ынджера» должна обжариваться только с одной стороны.

¹ Традиционное блюдо эфиопской кухни. — *Прим. перев.*

² «Теф» — традиционное зерно в Эфиопии, богатый питательными веществами злак, не содержащий глютена. — *Прим. перев.*

Темнело. Беспощадный ветер свистел в самом жарком и адском месте планеты, в пустыне Данакиль на северо-востоке Эфиопии. Вокруг только соль, песок и застывшая лава на этом бескрайнем пространстве Африканского континента, где температура достигает шестидесяти градусов жары и где трудно поверить в возможность чьего-либо существования. Но там, в глубокой тиши, укрывшись в маленьком белом домике из бетона, Матиас ласкал Марину, закончив заниматься любовью.

— Пекарня, — шепнул он по-немецки.

— Не перестаю думать о ней, — ответила Марина, переплетая свои руки с руками Матиаса. — Она нам за какие заслуги? Почему Анне и мне? Ведь никто не отдает просто так свой дом и бизнес посторонним людям.

— А разве владелица не оставила пояснительную записку?

— Нет, намеренно не оставила. Моя сестра продолжает выяснять по фамилиям, но пока не обнаружено ничего, что могло связывать нас обоих с этой женщиной.

— А мельница действующая? — поинтересовался Матиас.

— Она превратилась в руины. Но пекарня функционирует, она была единственной в Вальдемосе.

Марина призадумалась на несколько секунд.

— Мария-Долóрес Моlí... Сколько бы я ни произносила ее имя, оно мне ничего не говорит...

— Долорес по-немецки... это значит «боль», верно? — поинтересовался Матиас.

Марина кивнула.

— Странно давать собственной дочери имя Долорес, все равно что называть ее «тоской» или «меланхолией», — заметил он.

— Долорес — очень распространенное имя в Испании, — пояснила Марина.

— Я хотел бы поехать туда с тобой... Наверное, я единственный немец, который не знает Малорку, — признался Матиас между зевками.

— Произносится Майорка, поскольку пишется с двойной буквой l, — улыбнулась она.

Звука, отображаемого двойной буквой l, в немецком алфавите не существует, и сколько бы уроков испанского она ему ни давала, Матиас постоянно совершал одну и ту же ошибку. Как, в свою очередь, и Марина, которая все еще не могла правильно произносить немецкие звуки, отображаемые «А» и «О» с умлаутом — Ä и Ö. Они общались на английском, но иногда учили друг друга своим родным языкам. Два года назад в книжном магазине мадридского аэропорта Барахас купили блокнот фирмы «Молескин» в черной обложке, который превратили в словарь для записи казавшихся им важными слов на обоих языках. В правой колонке на испанском, в левой — немецкий перевод.

Марина протянула руку, взяла блокнот с тумбочки и достала черную шариковую ручку.

— С умлаутом?

— Над «а».

Марина вывела по-испански слово «пекарня» и рядом — *Bäckerei*.

Положила блокнот на тумбочку и вздохнула.

— Я не была на Майорке более десяти лет, — сказала она с некоторой грустью.

Матиас выключил лампочку, свисавшую с потолка.

— Спокойной ночи, наследница, и хватит думать об этом, уж я-то тебя знаю. Все равно отсюда решить ничего не сможешь.

Марина повернулась к нему спиной, и он обнял ее. Матиас заснул уже через несколько минут. А Марине всегда требовалось время, чтобы отключиться. Она ворошила свои мысли, возвращаясь к рабочим проблемам минувшего дня и обдумывая решения следующего. Понимала, что ночью мир не изменишь, и сердилась на себя, когда и после часа ночи не могла избавиться от мыслей. Да и в ту ночь, как и в прочие, перебирала в уме события своей жизни. Конечно, она размышляла не о работе, как прежде, а о поездке, которую предстояло совершить на Майорку против своей воли. Марина вспомнила последние слова в электронном письме Анны.

«В конце концов, это загадочное наследство станет поводом для нашего воссоединения и твоего возвращения домой».

Последняя фраза вызвала у Марины раздражение. Майорка — не мой дом, сказала она себе, читая послание. Это место, где я родилась и провела часть своего детства. Где жили мои родители и где сейчас осталась только Анна. Нет, теперь это не мой дом. Ничто не связывает меня с островом.

Поскольку у Марины не было ничегошеньки из собственности, ей некуда было податься на Рождество. Не существовало места, где можно отмечать даты, которые обычно празднуют нормальные семьи. Да, деньги на покупку квартиры имелись, но отнюдь не желание владеть четырьмя стенами.

Ее психолог, перефразируя какого-то писателя, однажды изрекла: «Дом — это то место, где тебя ждут». Фраза напоминала о себе днями и ночами. Родители Марины умерли. Имелись дальние родственники, с которыми она почти не общалась. И, конечно, оставалась

старшая сестра Анна. Она и некоторые обстоятельства, которые слишком долго их разлучали.

Ощущение привязанности к дому Марина утратила уже в подростковом возрасте.

Она отправилась в дальний путь в четырнадцать лет, и даже сейчас, в сорок пять, все еще была в дороге. Да и работа требовала путешествий. Однако зачем она так стремилась к кочевой жизни? Туда-сюда постоянно, не желая пустить корни. Где же твой дом, Марина? Кто тебя там ждет? Ее огорчала собственная неспособность найти ответ на простой вопрос. А на поиск честного ответа ушли годы. После длительных размышлений она сделала вывод: ее подлинный домашний очаг — весь мир, включая Матиаса. Вот ответ, который она дала сама себе. Он успокоил, да и подтверждался тем, что во всех местах на свете, куда бы их ни заносило, сколь малыми, отдаленными и затерянными ни были эти места, тамошние обитатели всегда ожидали их с распростертыми объятиями.

Хотя она и отыскала-таки сей твердый ответ, сермяжная правда заключалась в том, что отсутствие определенного физического места, вроде собственной Итаки¹, которые имелись у ее друзей, коллег и, конечно, у Матиаса — квартира его родителей на Бергманштрассе, 11, в берлинском районе Кройцберг, — время от времени ее тяготило.

Разумеется, Марина могла выбрать и более привычную жизнь. Безопаснее и стабильнее. Могла остаться на окруженном морем клочке суши длиной сто километров и шириной семьдесят восемь. Вернись она на Майорку, вероятно, вышла бы замуж, как и сестра, за какого-нибудь

¹ Греческий остров в Ионическом море, который считается родиной легендарного Одиссея. — *Прим. перев.*

парня из Королевского морского клуба города Пальмы, как и рассчитывала ее мать. Или, возможно, как хотел ее отец, стала бы работать по своей профессии в отделении акушерства и гинекологии университетской клиники Сон-Дурета в районе Поньенте, муниципалитет Пальмы.

Однако — нет. Теперь она находилась в семи тысячах восьмистах сорока трех километрах от того места, где родилась, в пустыне Данакиль, обнимая любимого мужчину.

И никак не могла заснуть. Повернулась к Матиасу и любовалась им, мирно спящим. Они такие разные; он — типичный европеец, высокий, крупный, настоящий немец. А она смуглая, с черными волосами, ниспадающими на спину, невысокая, крепенькая, истинная испанка. Она погладила его по щеке, заросшей перманентно неопрятной каштановой бородкой. Убрала назад волосы, падавшие ему на лицо, и ее пальцы нежно коснулись гладкой молодой кожи вокруг глаз. Повторяя движение, она вспомнила о своих пока еще робких морщинках, которые начали появляться вокруг глаз. Да, ему тридцать пять. А ей в августе исполнится сорок шесть. Мысль эта встревожила ее на несколько секунд. Но потом она изгнала ее из головы. Обняв его за талию, она почувствовала себя спокойной и счастливой, прижимаясь к прекрасному мужчине, который на десять лет моложе, но любит ее и восхищается ею. Марина закрыла глаза и уснула, наконец. А он инстинктивно прижал ее к своему телу. Вот ее очаг, вот ее дом.

Раздался резкий стук в дверь. Марина спала едва ли час. Она открыла глаза, села, крайне встревоженная. И снова

услышала стук. Молча встала с кровати и подошла к двери спальни. Стук доносился снаружи дома. Она прошла через столовую и выглянула в окошко; слишком темно, ничего не разглядеть. Но тут снова постучали, теперь уже слабее.

Она распахнула дверь. На земле в полубессознательном состоянии лежала молодая беременная эфиопка.

— Матиас! — крикнула Марина.

Она присела на корточки рядом с девушкой, которой, как показалось, было не больше пятнадцати лет.

— Все будет хорошо, — сказала Марина по-английски.

Приложила кончики пальцев к запястью девушки.

Слегка нажала. Частота пульса слишком высокая.

Матиас выскочил из спальни и подхватил незнакомку на руки. Круглое пятно крови окрасило бесплодную землю там, где только что лежало тело. Они вбежали в смежный дом, и Матиас уложил эфиопку на носилки. Марина схватила стетоскоп с металлического столика, а Матиас разрезал темно-синюю вуаль, скрывавшую тело молодой женщины. Действовали быстро, молча. Каждый знал, что нужно делать в таких случаях. Эфиопка тоже молчала, закрыв глаза и позволив им выполнить все, что требуется.

Марина поднесла стетоскоп к животу беременной и убедилась, что сердцебиение плода пока что слышится: младенец жив. Она натянула резиновые перчатки, раздвинула ноги юной эфиопки и присела на небольшой деревянный табурет, чтобы осмотреть ее вагину. Как и у всех женщин племени афар, половые органы были изуродованы, а небольшое отверстие, оставленное при инфибуляции¹, затрудняло выход плода.

¹ Зашивание влагалища для обеспечения целомудрия женщины. — *Прим. перев.*

Она ввела пальцы во влагалище и ощупала его. Шейка матки сглажена, растяжение — семь сантиметров. Положение плода неправильное. Роды начались, должно быть, более двенадцати часов назад, и плод уже перестал двигаться.

Можно прибегнуть к дезинфибуляции, разрезав шрамы и позволив вагинальным тканям расшириться, чтобы выполнить необходимую функцию, как если бы женщина не была изуродована. Марине надо было решиться, она это понимала. Плод находился слишком высоко, и эфиопка потеряла чересчур много крови.

— Кесарево сечение, мигом. Промедление недопустимо, — обратилась она к Матиасу.

Он взял девушку за руку, ощупал ее вены и подключил капельницу.

— Sēmēwot man nō? — спросил Матиас женщину на языке кучите о ее имени.

Та не ответила.

— Sème Mathias nō¹.

— Sème Marina nō².

Молодая женщина закрыла глаза. Она казалась измученной.

— Только не дай ей уснуть, делай все возможное.

Матиас усадил роженицу, и Марина подошла сзади, чтобы сделать инъекцию новокаина. Она наклонила ей спину и надавила на последние позвонки. Ввела обезболивающее в ствол спинного мозга, и они вдвоем осторожно уложили беременную на операционный стол. Им пришлось выждать двадцать долгих минут, пока подействовала анестезия. Непрерывно разговаривая с эфиопкой на смеси английского и кучите, чтобы

¹ Я — Матиас.

² Я — Марина.

она не отключилась, они расстелили несколько кусков ткани на операционном поле ее живота и намазали его йодом. Подготовили скальпель, препаровальные ножницы, кровоостанавливающие зажимы, иглы и шовную нить.

Капли пота непрерывно катились по лбу девушки. Жара достигала градусов тридцати пяти. Марина намочила кусок ткани и провела по лбу роженицы, затем приподняла ее голову и тоже увлажнила. Снова спросила имя и живет ли она в ближайшем городе, есть ли у нее муж... Но та не отвечала.

— Какое имя будет у ребенка? — задала вопрос Марина, жестикулируя, чтобы она поняла.

И снова нет ответа. Эфиопка силилась удержать испуганные подростковые глаза открытыми.

— Она теряет слишком много крови, — встревожился Матиас.

В те минуты, пока анестезия еще не подействовала, Марина держала свои ладони на голове молодой женщины, медленно поглаживая сорок угольно-черных блестящих косичек. Встала перед ней так, чтобы та могла хорошо ее видеть, и, изображая, будто заплетает обеими руками косу в воздухе, дала ей понять, что будущему ребенку нужно точно так же заплетать волосы. И юная эфиопка, поняв ласковые жесты белой женщины, с трудом изобразила губами слабую улыбку.

Скальпель вонзился ниже пупка. Углубляясь, Марина вскрыла подкожные ткани и сделала вертикальный разрез до края лобка. Ножницы. Особенно тщательно она рассекла фасцию¹. Ввела свои пальцы и раздвинула тка-

¹ Соединительнотканная оболочка, покрывающая органы. — *Прим. перев.*

ни, достигнув мышц. Зажим. Точным разрезом разъединила брюшину. Проткнула стенку матки и добралась до мешка с околоплодными водами. Жидкость смешалась с кровью, которая поступала в избытке. Точным движением ввела руку внутрь матки и ощутила, что плацента находится рядом с шейкой матки. Марина коснулась тела плода и сдвинула его на место. Потянув за ножки, быстрым движением извлекла его из полости матки. Появился неподвижный плод. Матиас перерезал пуповину, но младенец никак не отреагировал на только что случившееся перекрытие материнского кислорода.

Марина положила его лицом вниз и несколько раз шлепнула по попе. Тишина. Она предприняла новые попытки. Взяла его за шейку, приподняла и снова наклонила. Неподвижность, молчание. Марина сняла перчатки, положила плод на стол и слегка запрокинула ему голову, а другой рукой приподняла подбородок. Добралась до сердца, положив средний и безымянный пальцы руки на грудину младенца, и мягко, ритмично и быстро нажала пять раз.

Мелькнула мысль, что, вероятно, плод впитал меконий¹ внутри матки. Значит, дыхательные пути заблокированы.

Марина озабоченно взглянула на Матиаса. Тот уже удалил плаценту из полости матки и соединял шовной нитью разрез на теле юной эфиопки, которая лежала с открытыми глазами в абсолютной тишине и наблюдала за своим первенцем. За дочкой, которую только что произвела на свет.

¹ Липкое темно-зеленое вещество, содержащее желудочно-кишечный секрет, амниотическую жидкость, желчные кислоты, желчь, кровь, слизь, холестерин. — *Прим. перев.*

С неподвижным младенцем на руках Марина подошла к роженице и присела рядом. Она положила ребенка к себе на колени и взяла материнскую руку, чтобы вместе попытаться сделать массаж сердца.

Дитя находилось вне тела матери, без кислорода, уже более минуты. И вряд ли выдержит дольше — Марина знала хорошо. Матиас посмотрел на Марину, а она на него, и он отвел глаза. Еще две смерти вдобавок к тем многим, которые они пытались предотвратить за пять лет совместной работы сотрудниками гуманитарной неправительственной организации. Но при скольких бы смертях ни присутствовать, невозможно стать невосприимчивым к воздействию чужой кончины на твоих руках.

Марина, положив ладонь поверх руки эфиопки, снова, с еще большей силой, нажала на тело младенца.

И вдруг роженица из последних сил взяла дитя с колен Марины и положила себе на грудь. Младенец, оказавшись на груди матери, прислушался, как и в течение девяти месяцев, к биению ее сердца. Молодая женщина глубоко вздохнула. Произнесла несколько слов на своем языке и обняла дочку. И малышка словно вняла мольбам мамы: раскрыла, наконец, свои крошечные легкие и заплакала.

Эфиопка слушала плач дочери и умиротворенно улыбалась. Затем с безграничной благодарностью взглянула на белокожую женщину, спасшую ее ребенка, закрыла глаза и умерла.

Термин «международное сотрудничество» использовал доктор Шерман на последнем курсе акушерства, ко-

торое он преподавал студентам-медикам в Университете имени Перельмана. Он показал слайды, на которых были запечатлены медики в белых жилетах с красной эмблемой с буквами MSF¹, оказывающие помощь пациентам в чрезвычайных ситуациях на Африканском континенте. До этого Марина знала только то, что известно большинству студентов Пенсильванского университета: мир несправедлив, и доступ к медицине — привилегия немногих людей.

Пролетело девятнадцать лет с того мастер-класса в одном из самых престижных учебных заведений мира. И, оказавшись с африканским младенцем на руках, Марина как никогда ясно поняла слова доктора Шермана, твердившего, что для спасения жизни людей в самых отдаленных и враждебных уголках планеты необходимо благородство немногих, способных отказаться от комфорта западной жизни.

Матиас вынес из клиники тело молодой женщины, неподвижно лежавшее на носилках и накрытое зеленой простыней. Марина оставалась с младенцем. Она перестала смотреть на новорожденную как на плод, а попыталась увидеть человеческое существо, и вдруг осознала, что перед ней — крошечная персона. Черноватая, липкая, слишком маленькая и только что осиротевшая.

За десять лет работы волонтером она приняла бесчисленное количество родов, но теперь — первый случай, когда мать умерла при родах у нее на руках, что ошеломило Марину. Разглядывая младенца, она почувствовала безмерное одиночество девочки в африканской пустыне. Влажной тряпицей удалила пятна крови, амниотической жидкости и плаценты, покрывавшие

¹ Аббревиатура названия организации «Врачи без границ». — Прим. перев.

тельце. Завернула новорожденную в простыню, такую же зеленую, как укрывавшая тело ее мертвой матери, и взяла на руки. Малышка открыла ротик, ища материнскую грудь, сосок, чтобы впитаться губами. Марина распахнула холодильник и вытащила из картонной коробки с логотипом «Врачей без границ» приготовленную заранее бутылочку с соской, наполненную водой и сухим молоком. Прислонила ее к оконному стеклу, чтобы согреть первыми лучами солнца.

Девочка прикоснулась к соске на какие-то доли секунды. Тем не менее, словно во чреве матери, высосала молоко с быстротой, не свойственной новорожденным. И продолжила шевелить губами, требуя еще. Но Марина решила: пока хватит. Она нежно покачала младенца на руках и прижала головку к своей груди, чтобы дать послушать биение сердца. Удары, которые плод постоянно слышал на протяжении девяти месяцев в утробе матери. Девочка казалась беспокойной, и Марина прогуливалась с ней на руках, пока не покинула клинику. Рассветало при температуре воздуха в сорок восемь градусов. Небо окрашивалось в оранжево-розовый цвет: красивейший пейзаж каждого утра. Малышка заплакала. Марина ее приласкала и, поглаживая тельце, тихо запела:

*Моя деточка, спи-засыпай,
к ней сон придет, благослови ее Бог.
Ты мой звонкий ручеек, как соловей,
плача поющий в лесу
и умолкающий под скрип колыбели.
Деточка моя, спи-засыпай.*

Эту колыбельную бабушка Нерeya напевала ей теплыми ночами на Майорке.

И ребенок уснул. Они остались наедине с пустыней Данакиль, среди песков, соли и застывшей лавы.

Она давно уже перестала попрекать мир. Подобно женщине в первый год замужества, которая в собственном доме упрекает мужа в невыполнении прежних обещаний, Марина в начале работы волонтером ставила всему миру в вину нарушение его собственных обещаний.

Вскоре после того как ей перевалило за двадцать лет, она с чудесной наивностью данного возраста полагала, что человечество изменится к лучшему. В тридцать стала страстной правозащитницей, совмещая работу врача с активной борьбой со всемирной несправедливостью. Прежде всего, за права женщин — вроде только что умершей у нее на руках и той, что продолжала жить на ее же руках.

Однако наивность двадцатилетней и напор тридцатилетней с возрастом ослабевали, уступая место безмятежности и умеренности. А теперь Марина стала женщиной зрелой, преданным своему делу профессионалом, отдававшим без остатка свое сердце каждому пациенту и стремившимся лишь оказать посильную помощь, улучшить жизнь каждого из этих людей. И осознавать, что спасти, уберечь только что появившегося на свет эфиопского младенца гораздо важнее любой борьбы, требований, просьб, петиций и призывов к наднациональным организациям, которые правят миром.

Ее наручные часы показывали в то утро двадцать минут восьмого. Жара становилась удушливой, и Ма-

рина вернулась в клинику со спящим младенцем на руках. Взглянула на девочку, и она показалась ей красавицей, темно-смуглой, худющей и лысенькой. Спала безмятежно. Марина присела, не сводя с нее глаз, и ощутила покой, который излучают спящие новорожденные. Измученная, она прислонилась головой к стене и позволила умиротворенности овладеть собою. Но через открытую дверь вдруг различила размытые, возникающие из марева красноватой земли, незнакомые силуэты женщин. Наверняка родственники девочки, подумала она с облегчением. Погладила ее по щечке. И представила, как передает младенца другой женщине. Снимет с тельца зеленую простынку и обернет его красивыми яркими тканями, которые носят африканки. Она подумала о жизни, ожидающей этого человечка. Конечно, в любви к сиротке недостатка не будет. Афары — добрый и заботливый народ, обожающий своих детей. Оставшись без матери, она будет пользоваться любовью остальных членов племени, отца, теток, бесчисленных двоюродных братьев, бабушек, подруг матери. Ведь в Африке заботу о детях разделяют все женщины, образующие клан. Они непременно помогают друг дружке.

Хотя у Марины не было детей, она нередко размышляла о материнстве европейских женщин, превративших рождение и воспитание ребенка в синоним одиночества в своих чистеньких городских квартирах. На манер материнства ее сестры Анны в отношении дочери, уединившихся в беломраморном особняке площадью пятьсот квадратных метров, обращенном к бассейну с видом на море. Марина приучила себя не осуждать других, но считала: европейкам и африканкам есть чему поучиться друг у друга.

Нежно поглаживая щечку чернокожего ребенка в своих объятиях, она размышляла и о том, что девочку ждет тяжелая кочевая жизнь. Засушливая земля станет единственным пейзажем, доступным ее глазам. А другого она не увидит никогда. Температура воздуха — всегда выше сорока градусов. Подобно ветру, она всю жизнь будет кочевать в поисках источников воды, водрузив на спину циновки, которые служат пристанищем на любом клочке земли. Наверняка она не научится ни читать, ни писать, а будет доить коз, собирать хворост, молотить зерно, месить тесто. Но еще до всех домашних дел, когда ей исполнится всего два года, согласно древнему обычаю, на рассвете четыре женщины отведут ее под крону дерева. Повалят на землю. Двое будут держать за плечи, а другие раздвинут крошечные ножки и крепко ухватятся за них, чтобы повивальной бабке было сподручнее вырезать клитор острым лезвием. Марина в задумчивости закрыла глаза, прижала тельце малышки к себе, стремясь защитить от всех невзгод.

— Уже заснула? — поинтересовался Матиас с порога. Марина кивнула.

— Пришла Самала. Теперь давай с ней побуду я.

Очень осторожно она передала ему младенца. Подошла к двери и услышала, как Матиас тихо, чтобы не разбудить девочку, произнес несколько слов по-немецки.

— *Wilkomen zum leben, meine lieblich Mädchen*¹.

Марина повернулась к ним и увидела красивую сценку, которая снова тронула ее. Матиас, такой тучный сто-процентный европеец, баюкающий дитя и глядящий своими огромными зелеными глазами на крошечную черненькую малышку.

¹ Добро пожаловать в жизнь, моя девчушка (нем.).

— Кажется, какие-то из этих слов записаны у нас в блокноте, — сказала ему Марина с порога.

Матиас с нетерпением ждал перевода на испанский:

— Добро пожаловать в жизнь, моя девчушка.

— Судя по всему, они ориентируются с помощью спутниковой системы «Джи-Пи-Эс», вмонтированной в их гипоталамус, — усмехнулась Марина, наблюдая, как африканки приближаются к ним через пустыню.

Каждое утро она размышляла: как же можно отыскать дорогу на протяжении многих километров в этом гигантском море песка, который выглядит одинаково, куда ни глянь? Мобильные клиники гуманитарной организации располагались вблизи афарских сел. Однако явились женщины дальних племен, они брели много часов и определяли путь, как утверждали сами, по пред-рассветным звездам и высоким барханам.

Марина смотрела, как они приближаются к ней, с младенцами на спинах, а рядом семят детишки двух-восьми лет. Афарские женщины стройны, обладают врожденной грацией и умеют красиво укрывать свои худощавые тела широкими шарфами ярких цветов с окантовкой, контрастирующими с черным цветом их кожи. Марина подошла к ним.

— *Ĕndemĕn aderu*, — поздоровалась она.

Женщины рассмеялись, услышав приветствие на кучите. Они очень наивны и весьма благодарны. Однако некоторые младенцы, вертя головками между слоями тканей, заплакали. Вероятно, впервые увидели белокожую женщину. Никто из эфиопок не спросил о беременной, и Марине, жестикулируя и используя простейшие

английские слова, пришлось объяснить им случившееся ночью.

— Кто она, вы ее знаете? Знакомы с ней? — выпрашивала она.

Нет, они ничего не знали о девушке. Ни одна женщина из деревни, где они жили, не исчезла. И все же Марина попросила их пройти за бетонный дом, где Матиас оставил носилки с трупом, накрытым зеленой простыней. Может, они хотя бы видели ее когда-то. Прежде чем оказать помощь этим женщинам и множеству пациентов в течение дня, Марине требовалось перекусить, принять душ и, в первую очередь, попить воды.

Она вошла в дом. Самала приготовила «инджеру», эфиопский хлеб, которым они завтракали каждое утро. Самала входила в местный персонал, нанятый «Врачами без границ», и отвечала за уборку спален и стирку одежды, закупку продуктов и приготовление еды для волонтеров. Ее дети выросли, она овдовела пять лет назад. Жила бедно в одном из самых заброшенных районов Аддис-Абебы, где новости переходили из уст в уста, и узнала, что некоторые европейские врачи нанимают для работы местный персонал. В основном медики искали логистов, мужчин с водительскими правами и знаниями в области строительства, электриков и сантехников для создания мобильных клиник по всей стране. А она явилась, умея лишь готовить пищу и убирать в доме, чем и занималась всю жизнь. Каждый день в течение двух месяцев женщина сидела у дверей кабинета, надеясь, что когда-нибудь понадобится белокожим врачам. И вдруг в один из понедельников нанятая организацией эфиопка просто-напросто не явилась на работу. Так Самала вошла в большую семью MSF. Было это год назад. Вместе с Калобом, местным логистом, они сформирова-

ровали команду, которая помогала Марине и Матиасу в реализации проекта по обеспечению питания матери и ребенка в Афарской котловине.

Марина сделала вывод, что Матиас уже объяснил Самале случившееся, поэтому не стала ее расспрашивать, а лишь тепло поприветствовала, улыбнулась и поблагодарила за завтрак. Сделала большой глоток воды и пошла в свою спальню.

Душем называлась тончайшая струйка воды, которая сочилась не более двух минут. Но эти минуты давали такое наслаждение, что иногда Марина отсчитывала про себя сто двадцать секунд, чтобы не думать ни о чем, кроме как об этом скудном сокровище пустыни, которое разливалось по ее телу. Однако ум устроен так странно, что, к ее сильному огорчению, она вспомнила о рейсе LH2039 авиакомпании «Люфтганза», который должен за три дня доставить Марину из Аддис-Абебы обратно «домой».

В клинике эфиопские женщины и их дети ждали приема врачей, сидя на полу и прислонившись к стене. Они толковали о случившемся и сопровождали друг друга к носилкам, где покоилась мертвая молодая женщина. Оpoznать тело пришли более шестидесяти эфиопок. Но никто не знал, кто она такая.

К вечеру запах смерти стал невыносимым.

Из окна кухни, во время кормления младенца, Марина увидела, как Калем уложил неподвижное тело покойницы на заднее сиденье джипа, принадлежащего гуманитарной организации. Логист закрыл дверцу, включил двигатель и уехал в пустыню. Он выкопает яму

в нескольких километрах отсюда и поместит в нее тело, повернув в сторону Мекки. Засыплет могилу, набросает сверху небольшую кучу камней, как того требует обряд афаров, и помолится Аллаху.

Поднятая джипом пыль быстро рассеялась, и столь незначительный факт взволновал Марину. Она почувствовала, как ускорилось сердцебиение, а температура воздуха подскочила на несколько градусов. В те двенадцать часов, что труп находился в доме, крошечное существо, которое она держала на руках, принадлежало скончавшейся женщине, о чем сообщали всем явившимся в амбулаторию. А теперь, когда тело исчезло, ребенок стал ничьим. Никто о нем не позаботится. Если малышка заплачет, захочет пить или проголодается, испачкается или захочет пошевелиться, никто, кроме Марины, не поспешит ей на помощь. И Марину охватила грусть, вызванная этим вселенским одиночеством безымянной девочки на Африканском Роге. Убитую горем Марину вдруг охватило чувство вины. Она вела себя точно так же, как любой другой врач. Тем не менее ее тревожил вопрос, который она уже задавала себе в ходе других медицинских вмешательств на протяжении всей своей карьеры во «Врачах без границ».

— А разве лучшая перспектива для этого человеческого существа — жизнь?

Она воображала себя гордым западным медиком, спасающим жителей нищего «третьего мира». Однако, возможно, все это — заблуждение, и лишь закон природы должен определять, кому жить, а кому умереть. И, вероятно, ребенок, которого она баюкала, должен был обнимать свою упокоенную мать под землей.

Марина провела рукой по лбу в попытке изгнать эту мысль из головы.

— Странно, что за малышкой никто не пришел. Похоже, она нежеланный ребенок, плод изнасилования, — изрек Калев.

Для Марины и Матиаса такое предположение стало неожиданным и вызвало беспокойство.

— Я могу отвезти ее в приют в Аддис-Абебе, — предложил Калев.

— Подождем еще несколько дней, может, кто-нибудь за ней все-таки придет, — ответила Марина. — А если она никому не нужна, то перед отъездом в аэропорт оставим ее в приюте.

Ветер бился о бетонный дом, в котором спали Марина, Матиас и малышка. Она снова заплакала, как плачут новорожденные, когда очень голодны.

— Что-то явно не так. Ты думаешь, с ней все в порядке? — открыв глаза, растерянно спросил Матиас.

Девочка проснулась третий раз за ночь. Марина снова взяла ребенка на руки.

Матиас сел. В его обязанности входило принести бутылочку с соской.

— Теперь я понимаю, почему мой старший брат развелся через год после рождения сына.

— Моя племянница плакала без остановки днем и ночью, — добавила Марина. — Однажды в четыре утра, отчаявшись, мы поехали на машине, чтобы ее убаюкать.

— И она заснула? — поинтересовался Матиас.

— Да, и спала до тех пор, пока мы не припарковались и не выключили мотор.

Так прошло еще двое суток — почти без сна: чередование ухода за сотнями женщин и детей, пришедших

в клинику, с пестованием безымянной малютки, на которую никто не претендовал.

Ее старый черный рюкзак переполнен. Пять белых футболок, трое брюк цвета охры с боковыми карманами, нижнее белье, анорак, косметичка и африканская ткань с зеленой, желтой и сиреневой каймой, которую она купила вместе с Матиасом в Конго, служившая Марине покрывалом для кровати, где бы она ни оказалась. Она открыла несессер фирмы «Молескин», положила авиабилет, паспорт и сунула в боковой карман рюкзака. Из шкафа достала отцовский стетоскоп, с которым объездила более тридцати стран, где работала по своей профессии. Всегда один и тот же, другого она не желала. Не было особого смысла везти его на Майорку, потому что она должна вернуться менее чем через неделю, но без этого старого стетоскопа Марина никуда не ездила. Осторожно свернув его гибкую трубку, сунула сей амулет в рюкзак и закрыла его.

Малютка лежала на кровати и, хотя от роду ей было всего два дня, следила своими крохотными глазками за движениями Марины. Пахло «ынджерой». Марина подошла к двери, чтобы забрать свой завтрак. Ребенок что-то произнес. Марина обернулась и несколько мгновений смотрела на девочку. Та снова что-то пробормотала. Марина улыбнулась, поняв, что она зовет ее, и приблизилась. Заметила, что младенец уже узнает ее. Они провели вместе три дня. Ребенок прислушивался к голосам взрослых, их смеху, ежедневному обмену мнениями. Марина присела рядом и взяла девочку за руку. Малыш-

ка сомкнула кулачок вокруг ее указательного пальца и пробормотала, как будто хотела что-то сказать... Вроде «побудь здесь, со мной».

— Только возьму кофе, кусочек «ынджеры» с маслом и сразу вернусь, — пообещала Марина по-испански.

Малышка опять что-то пробормотала.

— Я ведь ненадолго... И принесу тебе твою бутылочку с молоком.

Девочка снова ответила что-то.

Марина погладила ее, и малютка, продолжая держать палец в своем кулачке, сжала его сильнее. Жест, такой слабый и нежный, на который способны все младенцы в мире, ее потряс.

Джип мчался по пустыне со скоростью сто пятьдесят километров в час. Калев знал дорогу как свои пять пальцев и вел машину, гордо рассказывая о своем происхождении из региона Каффа, родины кофе; этимология слова это подтверждает: «Caffa, "кофе"», — уверял он, часто поглядывая на Матиаса. А тот, немного озабоченный высокой скоростью, сидел рядом с водителем, упершись одной рукой в приборную панель, а другой ухватившись за дверную ручку под окном.

На заднем сиденье Марина со спящим младенцем на руках, не обращая внимания на разговоры, смотрела в окно на километры песка. Вдалеке параллельно горизонту шла вереница верблюдов, нагруженных глыбами соли.

Они миновали деревню, где женщины-кочевницы сооружали свои хижины. Одни укладывали камни на землю, создавая цоколь, другие сплетали ветки, кото-

рые станут стенами, а дети сидели на циновках, которые будут служить крышей.

Джип пересек деревню. Дети бросились к машине, замедлявшей ход, и последовали за ней.

— Хэлло, хэлло! — кричали ребяташки, улыбаясь. — Доктор, доктор!

Марина улыбалась в ответ. Ей нравилось, когда ее узнавали.

Песок простирался на многие километры. Джип глубоко внедрился в жаркую местность. Марина увидела горку камней, образующих круг, — признак того, что там погребено тело. Кaleb подтвердил: под этими камнями — труп матери младенца, который спал у нее на руках.

Марина взглянула на ребенка. Минувшей ночью девочка просыпалась пять раз, а теперь под шум автомашины безмятежно спала. Их ожидали почти семь часов пути. Они преодолели соляные горы, серные озера, склоны вулкана Эртале, пока не достигли района недалеко от границы с Сомали.

Группа эфиопов в военной униформе стояла с автоматами Калашникова в руках. Один из них сделал знак. Кaleb остановил джип и опустил окно. Солдат подошел, вглядываясь в боковые двери машины, где был прикреплен большой красный логотип с надписью «Врачи без границ». Они обменялись несколькими фразами на амхарском языке, и Кaleb протянул банкноту в десять бир. Военный приветливо улыбнулся врачам и разрешил ехать дальше. Краткое отсутствие движения разбудило малышку. Марина погладила пальцем ее подбородок, и она улыбнулась. Марина снова погладила, и девочка опять улыбнулась. Она дергала ручонками, странно потягиваясь, как умеют только младенцы. Марина задума-

лась; что-то на мгновение вызвало ее беспокойство. Она наклонилась к переднему сиденью.

— У нее нет имени.

— Что-что? — переспросил Матиас.

— У ребенка нет имени, — повторила Марина.

— Дадут в приюте, — напомнил Калед.

Марина откинулась назад и оперлась на спинку сиденья. Малышка заплакала. Матиас привычно открыл свой рюкзак и достал бутылочку.

«В детском доме? Кто даст ей имя? Ведь так важно, какое имя получает человек», — подумала Марина.

Почему родители назвали ее Мариной, а не как-то еще? Она никогда об этом не спрашивала. В старших классах на уроках латыни сделала для себя открытие: «Марина» означает «женщина, рожденная в море», и решила, что имя выбрал отец, который забавно хвастался тем, что он врач и моряк. «Я настоящий морской волк», — однажды с жаром заявил он, взобравшись в баркас и рассмешив дочерей.

И она пришла к выводу, что ее имя было связано с отцовским пристрастием: папа Нестор обожал воды Средиземного моря. А Марина была дочерью морского человека, «морского волка».

Ее старшей сестре дали имя, как и у всех старших дочерей семейного матриархата, в котором она родилась, — Ана. Впрочем, добавили вторую букву «н», по обычаю на Майорке. В свою очередь, Анна последовала семейной традиции и окрестила дочь именем прапрабабушки, прабабушки, бабушки, матери и своего собственного. Но на сей раз без второй буквы «н».

Поглаживая младенца, Марина улыбнулась, вспомнив разговор с Анной, когда они лежали на пляже Майорки, о том, какое имя она даст дочери. У Анны был

огромный живот — шла тридцать восьмая неделя беременности, — и она объяснила, почему назовет свою дочь Анной без удвоенной «н».

— Она будет Ана, просто Ана. Ясно почему — мне приходилось постоянно исправлять свое имя в школьных списках и официальных документах, и я предпочитаю оставить его за собой. Просто Ана, Анита¹, — настаивала Анна. — Анита. Мы назовем ее Анитой.

Малышка щурила глазки и странно гримасничала, реагируя на солнечный свет, проникавший через окно.

— Тебе нужно имя, детка, красивое имя на всю жизнь, — шепнула ей Марина.

Мысленно она медленно выстроила буквы своего имени в ряд: М, А, Р, И, Н, А. И сделала то же самое с буквами имени сестры: А, Н, Н, А; а также с именем М, А, Т, И, А, С. И пришла к выводу, что у ее имени четыре общие буквы с именем Матиаса, а последний слог — с именем сестры Анны. Так что, поигрывая с алфавитом, она нашла имя, которое будет сопровождать всю оставшуюся жизнь ребенка, которого держала на руках: Наоми.

Наконец, вдалеке начал угадываться силуэт Аддис-Абебы — роскошные небоскребы вдоль склона горы Энтото. Марина вздохнула с облегчением, она была измотана. Тело болело, руки онемели: она не расставалась с малышкой все семь часов. Джип выскочил на идеальную автостраду; промелькнул скелет возводимого здания, где сотня рабочих трудились над будущей по-

¹ Анечка. — *Прим. перев.*

трясающей штаб-квартирой Африканского союза. Миновали роскошные отели *Hilton*, *Sheraton*, императорский дворец, спортивный стадион, и машина оказалась на проспекте Черчилля, где толстый городской страж размахивал руками, пытаясь упорядочить движение. Автомобильные гудки. Такси. Легковушки. Мотоциклы. Африканцы в костюмах *Armani*. Эфиопские красавицы в туфлях на шпильках. Сувенирные лавки. Витрины магазинов с манекенами, рекламирующими изделия фирмы *Nike*. Туристы. Попрошайки. И Европейская аллея — витрина Африканского Рога, к которой, сколько бы раз Марина ни приезжала в столицу, не оставалась равнодушной... Неотделимо от роскоши простиралась нищета Африки, сотни глинобитных или со стенами из гофрированного железа хижин без водопровода, электричества, без какого-либо будущего.

Автомобиль лавировал по улочке между стадами коз и маленькими рынками под открытым небом, запруженными людьми, пока не выбрался на грунтовую дорогу. Проехали с километр, удаляясь от центра города, снова углубляясь в подлинную Эфиопию. Дорога вела к злаковым полям, где сгорбленные женщины собирали урожай. Преодолели еще километра полтора, пока не добрались до лачуги с полуразвалившимися бледно-розовыми стенами: государственный детский дом «Миним Айделем».

Калев припарковался. Марина посмотрела через пыльное стекло на скромный домик, в котором размещался приют. Матиас распахнул перед ней дверь машины. Марина немного задержалась, разглядывая место, показавшееся слишком скорбным. Взглянула на девочку, все еще безмятежно спавшую у нее на коленях.

— Какая тишина, — удивленно произнесла Марина.

Вышла из машины, стараясь не разбудить малютку. Они приблизились к воротам приюта. Матиас постучал в дверь костяшками пальцев, и ее открыла эфиопская женщина с добрыми глазами.

— Ты говоришь по-английски? — спросила Марина.

Женщина кивнула. Марина объяснила, кто они и как Наоми появилась на свет. При этом машинально всматривалась в металлические колыбели, которые заполняли коридор, с молчащими младенцами в них. Некоторые, проснувшись, глядели в никуда. Стояли запахи мочи, прогорклого молока и детских экскрементов. Тишина раздражала Марину. Было слишком тихо для дома, в котором должны содержаться дети без родителей. А это — самое мрачное место, которое ей довелось видеть за все годы волонтерской работы. Марине приходилось лечить искалеченных детей в Конго, младенцев, зараженных лихорадкой Эбола, истощенных девочек-беженок в Судане. Однако все они находились под бдительным оком матери или бабушки, брата, родственницы. А вот такого места, где бы дети не плакали, ничего не требовали, никому не смотрели в глаза...

Женщина показала им колыбельку для Наоми. Сломанная железная кровать с пластиковым матрасом, пока без простынок, по соседству с другим младенцем, которому тоже несколько дней от роду. Марина осмотрела колыбель и снова взглянула на Матиаса. Наоми начала безмятежно потягиваться, не открывая глаз. Матиас погладил ее по личику. Задержал свой взгляд на несколько секунд, поцеловал в щечку и оставил лежать на пластиковом матрасе сломанной кровати. И вот тогда-то душа Марины, против ее желания, разлетелась на тысячу осколков.

Она повернулась к входной двери и пошла, опустив голову, не оглядываясь. Наоми, потягиваясь, издавала тихие звуки в ожидании объятий женщины, которая баюкала ее все три дня жизни. И вдруг Наоми издала более высокий звук. Иной — крик. Снова и снова. Пока не расплакалась, требуя знакомых объятий. Марина закрыла глаза. Теперь ее душа разлетелась на две тысячи осколков. Глубоко в сердце вонзилась тоска. Тоска вперемешку с яростью, стыдом и печалью. Выйдя из детского дома, она все еще слышала истерический плач ребенка. Почувствовала давление в груди, и ее вздох смешался с этим рыданием. Марина глубоко вздохнула и быстро зашагала к джипу. И только тогда поняла тишину, царившую в приюте: там не хватало рук, чтобы откликнуться на плач пятидесяти младенцев в колыбельках. А они плакали и плакали первые несколько дней, пока не привыкали к пустоте, и постепенно умолкали.

Калев вставил ключ в замок зажигания. Уже сидевший на пассажирском месте Матиас грустно посмотрел на Марину. Она села, захлопнула дверь и опустила стекло. Плач Наоми был таким громким, что слышался и в машине. Водитель-логист тронулся в путь, а Марина перевела взгляд на розовую лачугу с обветшалыми стенами.

— Останови машину.

— Чего? — не понял Калев.

— Пожалуйста, останови машину, Калев.

— Марина, до вылета самолета осталось меньше двух часов, — напомнил Матиас. — Прекрати, пожалуйста.

Калев затормозил и остановил джип. Марина выскочила и побежала в детский дом. Подошла к железной колыбели, где безутешно плакала Наоми. Схватила ее на руки и прижала к груди.

— Успокойся, — ласково прошептала она. — Ты голодна, правда, детка? Правда, Наоми?

Последнее кормление из бутылочки было более четырех часов назад. Какая-то девочка, слишком большая для своей колыбели, молча смотрела на них грустными глазками.

С Наоми на руках Марина направилась к задней двери и вышла в небольшой дворик с бетонным сооружением. Из слепленной кое-как трубы поднимался дым. Женщина кипятила воду в огромном горшке, наполненном грязными бутылками. Услышав плач Наоми, она обернулась к ним.

— Простите, — обратилась к ней Марина, — не могли бы вы дать молока для девочки?

Не обращая внимания на Наоми, женщина подошла к деревянной полке, на которой стояла большая банка сухого молока.

— Когда прокипят, я тебе принесу, — ответила она, указывая на горшок.

— *Amesegëmallô*, — поблагодарила Марина.

Эфиопка улыбнулась такому жесту уважения, проявленному белой женщиной, поблагодарившей на амхарском языке.

А Наоми продолжала плакать. Марина прижала ее маленькое тельце к своей груди так, чтобы она могла видеть происходящее вокруг. Покачала ее, прошла через двор к окну и посмотрела на десяток молчащих детей в колыбелях.

Голодная Наоми плакала все сильнее, что больнее и больнее ощущалось Мариной. Пронзительный плач младенца проник в глубины души европейской гуманитарной работницы. Никогда прежде она не чувствовала себя такой незаменимой для другого человека.

Нежеланная слеза скатилась по ее щеке; тихонечко, на ухо малышки, она пропела колыбельную, которую слышала от своей бабушки Нереи приятными ночами на Майорке.

На паспортном контроле в международном аэропорту Аддис-Абебы было полно народа. Улыбающиеся стюардессы шагали рядом с горделивыми пилотами, китайские бизнесмены пожимали руки африканским коллегам, туристы с чемоданами увертывались от бродячих торговцев, а уборщицы без устали наводили чистоту в футуристическом здании аэропорта. Марина, держась за руку Матиаса, стояла в очереди на паспортный контроль.

Матиас снял рюкзак, и Марина переложила свою косу на грудь, чтобы Матиас мог надеть рюкзак ей на плечи.

— Я буду скучать по тебе.

— Но не больше десяти дней, — уточнила Марина, вставая на цыпочки и приближая свои губы к губам Матиаса.

После поцелуя она двинулась к пункту контроля. Матиас сделал несколько шагов вслед и окликнул ее. Она повернулась, и он взял ее за руку.

— Ты любишь меня? — шепнул Матиас.

Марина изумленно взглянула на него. Она выглядела искренне удивленной, как будто эти простые слова были последними, что ожидала услышать в тот момент. Она обняла его.

— Конечно...

— Ну, так говори мне это, пожалуйста. Хотя бы иногда.

Марина погладила его по щеке. Она осознавала свои недостатки — не была любвеобильной, нечасто проявляла свои чувства. Была скорее сдержанна и осторожна в отношениях. Сейчас прозвучал упрек, который она слышала и раньше на протяжении всей своей жизни. Она любила, как и всякая другая женщина, возможно, менее страстно, но со всей искренностью, на которую была способна. Она верна и не двулична, что было известно Матиасу и тем немногим мужчинам, которых она встречала. Марина крепко обняла его и прошептала:

— Это просто слова, но если хочешь их слышать, могу говорить тебе каждый день и каждую ночь, столько, сколько пожелаешь.

— Иногда — вполне достаточно.

Губы Марины произнесли последние слова.

— Ich liebe dich¹.

«Эфиопская кухня», — гласило название на обложке книги, которую Марина держала в руках в магазине *Duty Free* в терминале аэропорта. Она купила ее, покинула магазин и в поисках выхода на посадку прочитала огромную вывеску с лозунгом, придуманным правительством Эфиопии для привлечения туристов в страну: «Добро пожаловать в Эфиопию, колыбель человечества». Именно так палеонтологи окрестили Эфиопию. Страна, в которой найдено первое захоронение женской особи, первой женщины на земле, погребенной более трех миллионов лет назад. Марина не могла отделаться

¹ Я люблю тебя (нем.).

от воспоминания о юной матери Наоми, лежащей под слоем той же земли.

Она дошла до выхода на посадку, но он пока был закрыт. Села на современную прозрачную скамью длиной несколько метров, рядом с другими пассажирами-европейцами.

В скольких аэропортах ей довелось ждать посадки? В скольких самолетах она летала в течение своей жизни и в скольких еще предстоит? Международные рейсы на пять континентов, внутренние рейсы на турбовинтовых самолетах в отдаленные места. Вот так и жила Марина на протяжении десяти лет, перелетая из страны в страну на службе человечеству.

С приездом в Эфиопию, как ни парадоксально, ее жизнь стала стабильной. «Врачи без границ» работали здесь двадцать лет. Это единственная страна, где неправительственная организация имеет стационарную миссию, поскольку считается, что Эфиопия постоянно находится в чрезвычайном положении, учитывая хроническое недоедание большинства населения. В возрасте сорока трех лет ей предложили на год возглавить миссию в африканской стране. А шел уже третий год...

Она достала из сумки эфиопскую поваренную книгу и провела рукой по обложке. Открыла, полистала. На первой фотографии — африканка, месящая тесто. Снимок сопровождался рецептом и описанием процесса приготовления хлеба — основного блюда эфиопского народа.

Звук взлетающего самолета отвлек Марину, и она увидела сквозь стеклянную стену безоблачное голубое небо.

Анне книга пришлась бы по душе. С самого раннего возраста обе внучки помогали бабушке Нерее месить

тесто для выпечки хлеба. Каждый день бабушка дожидалась их возвращения из школы. Она держала все необходимое наготове на длинном деревянном столе, чтобы испечь темный хлеб, который, по ее словам, был таким питательным, этот *коричневый хлеб из ржаной муки*, как она называла его на майорканском языке. Они смешивали воду с мукой и ковырялись пальчиками в тесте. Невероятно, но и через столько лет Марина все еще помнила требуемое количество «коричневого хлеба» и ощущение пальцев внутри теста. А также аромат свежей выпечки, который распространялся по всему дому и проникал в детскую душу. Аромат родного дома.

По-английски прозвучало: «Внимание, внимание. Объявляется посадка на рейс номер 2039, следующий во Франкфурт. Пассажиров просят пройти к выходу номер одиннадцать».

2

ДРУЖБА, ИЛИ «ЧАПАТИ»

ИНГРЕДИЕНТЫ:

200 г муки,
1 столовая ложка мелкой соли,
1 столовая ложка оливкового масла,
1 стакан молока или воды.

СПОСОБ ПРИГОТОВЛЕНИЯ:

Смешай муку и мелкую соль. Добавь оливковое масло и перемешай. Понемногу доливай воду, пока тесто не станет однородной массой и перестанет прилипать к рукам. Дай ему отдохнуть полчаса. Сделай небольшие шарики и раскатай тесто скалкой, пока оно не станет очень тонким. Разогрей сковороду без масла и, когда она станет горячей, приготовь «чапати». Увидев маленькие пузырьки в тесте, переверни его. Тесто станет понемногу подниматься. Когда «чапати» начнет подрумяниваться, сними его со сковороды.

Марина пристегнула ремень безопасности. Ее одолевала усталость: несколько последних дней выдались напряженными. Она откинула голову назад и взглянула в иллюминатор. Матиас уже должен был вернуться в город. В эту ночь он будет спать в квартире, которую их организация арендовала для экспатриантов, работающих в Аддис-Абебе. Она представила, как он пьет пиво «Мориц» со своим другом Зигфридом, таким же волонтером, фанатом леверкузенской футбольной команды «Байер» и автогонщика Михаэля Шумахера, который стал большим другом их обоих. И которому однажды ночью пообещали, перебрав пива, пригласить шафером на свои свадьбы, если они когда-нибудь решат жениться.

В комнате будут также Ариц Гойкоэчеа, баскский инженер, серфер, ностальгирующий по морским волнам в Мундаке, и каталонка Она, бухгалтер, утолявшая по вечерам ностальгию инженера лирикой поэта и певца Серрата.

Ну и, конечно, Маноло — дружелюбный севилянец (из района Трианы, как он обычно уточняет), логист и бывший легионер, татуированный с головы до ног. Разумеется, уроженец Севильи приготовит испанскую тортилью, не жалея лука, чтобы угостить всех и, прежде всего, произвести впечатление на жеманную француженку, новичка-волонтера, которая выбрала этот проект.

Марине захотелось повидаться с ними. Всегда приятно встретиться с этими и многими другими экспатами, которые поочередно оказывали неотложную медицинскую помощь, разъезжая по всему миру. Они образовывали большую семью одиноких людей, ее семью.

Послышался гул двигателей, и Марина закрыла глаза. Авиалайнер взлетел.

Цвет вещей — вот что прежде всего бросалось Марине в глаза по возвращении в Европу. Уже год она не покидала Африку, где, несмотря на крайнюю нищету, все казалось окрашенным в яркие цвета — оранжевые, зеленые, желтые... А стоило оказаться в аэропорту Франкфурта, как ей представлялось, что окружающий мир обесцветился и потускнел. Пасмурное небо почти постоянно накрывает город, который служит связующим звеном сотням ухоженных европейцев в строгих костюмах, с черными портфелями, пересекающихся здесь, не глядя друг на друга.

В аэропорту Марина торопливо прошла через зал среди безликой толпы серых существ к выходу номер 45А, чтобы успеть на пересадку в Барселону.

Она заметила, как у нее изо рта идет пар, когда покидала терминал-2 барселонского аэропорта Эль-Прат. Была уже ночь. Марина потеряла руки, подышала на них и застегнула куртку. Столь внезапные перепады температуры ощутимо действовали на нее. Она усвоила урок прошлого Рождества, когда сопровождала Матиаса в Берлин, чтобы отметить праздник с его семьей. Всего за несколько часов температура воздуха упала для нее с эфиопских сорока градусов жары до берлинских минус десяти. Результатом стал тяжелейший грипп в ее жизни.

Марина огляделась и сразу же узнала выдавший виды белый «Мерседес-Бенц» и свою славную подругу Лауру, спорившую с полицейским. Сколько бы времени ни прошло, даже целые годы, но при возвращении Лаура всегда будет ждать ее в своей белой развалюхе.

Марина ускорила шаг и подбежала к Лауре, а та уже заботливо открывала багажник, выговаривая полицей-

скому: «Ну что, видите? Я же обещала вам, что моя подруга вот-вот появится...»

Подружки обнялись, а страж порядка, осуждающе качая головой и недовольно причмокивая губами, удалился.

Они запрыгнули в машину, и, как обычно, когда включилось зажигание, зазвучали записи старой кассеты Леонарда Коэна. Марина улыбнулась, услышав голос канадского певца и автора песен, а Лаура прибавила скорость на шоссе А-7.

Лауре уже исполнилось пятьдесят, и она работала в психосоциальном отделе «Врачей без границ», в штаб-квартире организации в Испании, в старом здании барселонского района Раваль.

Когда в 1971 году в Париже была создана эта неправительственная организация, возникла идея: экспатрианты, возвращающиеся из стран, которым они оказывали помощь, нуждаются в моральной поддержке. Ведь нелегко продолжать жизнь после того, как ты стал свидетелем ужасов, голода, увечий и всех зверств мира, которые врачи пытались исцелить. Так что вскоре решили создать психологическое отделение, чтобы гуманитарные работники могли продолжать заниматься своей профессией спокойно, без страха и эмоциональных травм.

Хотя сотрудников не усаживали в обязательном порядке на кушетку Лауры, но в итоге большинство из них проходило через ее кабинет, чтобы выпустить пар, поплакаться в жилетку и разобраться в своих эмоциях — для поиска ответов.

Пятьдесят пять процентов гуманитарных сотрудников, отправлявшихся в свою первую миссию, по возвращении бросали работу в неправительственной организации. Они сидели в уютном кабинетике Лауры,

абсолютно опустошенные и стыдливые, сознавая, что психологически не готовы продолжать свое вмешательство на конфликтных территориях. Да, реальность оказалась для них слишком суровой. Нелегко лицезреть детей, умирающих от голода или жажды, слышать душевраздирающие рыдания их матерей, оказывать помощь молодым окровавленным солдатам...

Десять лет назад и Марина сидела на кушетке у Лауры, вернувшись из своей первой миссии. В течение шести месяцев она участвовала в программе охраны здоровья матери и ребенка в индийском штате Чхаттисгарх. Сев напротив нее, Лаура сразу же поняла, что Марина входит в остальные сорок пять процентов сотрудников. Лаура и теперь оставалась ее психологом, но за годы взаимоотношений пациентки и терапевта иногда уже трудно было понять, кто из них кто: почти неосознанно они глубоко подружились.

Белый «Мерседес» продвигался вниз по Рамбла-де-лес-Флорс. Было почти десять вечера, суббота. Бульвар Рамбла, несмотря на холод, переполняли туристы. Продовольственные магазины еще работали; иностранцы входили и выходили из отелей; рестораны были заполнены до отказа, а ухоженные молодые девушки улыбались, уставившись в свои мобильные телефоны. Группы африканцев бродили с огромными белыми баулами, набитыми одеждой поддельных марок; индусские женщины, облаченные в сари, вели своих детей за руку; серьезные североафриканцы... словом, в Барселоне как в Барселоне.

Они проехали по улице Ospital и припарковались на Рамбла-дель-Раваль.

— А как дела у Матиаса?

— Он в порядке. Мы с ним по-прежнему умелая команда, — с улыбкой ответила Марина.

Они приблизились к старому зданию, в котором жила Лаура. Вошли в дом, где мало что осталось от фэн-шуй¹, на который он претендовал много лет назад. В том уютном хаосе, который царил в квартире, была виновата красивая девочка со светлыми локонами, прибежавшая обнять свою мать.

— Дочка, почему не спишь так поздно?

— Она захотела обязательно дождаться вас, сеньора. Я пыталась ее уложить, но не получилось, простите, — вмешалась симпатичная молодая тибетка, изъясняясь на ломаном испанском языке.

Лофт площадью восемьдесят квадратных метров был забит книгами по психологии, исписанными листами бумаги и разрисованными страницами, висевшими на стенах, куклами Барби и прочими игрушками. Отопление включено на всю мощь.

— Какая она красивая, — сказала Марина, глядя на свою крестницу, которую не видела почти полтора года.

— Видимо, дело в законе компенсации красоты природой, — отметила Лаура с иронией, к которой время от времени прибегала.

Дочь Лауры — белокожая блондинка с очень светлыми глазами. Настоящая славянская красавица, редкая, и не имеющая ничего общего с родной матерью. Лаура — женщина непривлекательная. Длинный лоб, маленькие глаза, выдающийся нос и тонкие седеющие волосы. «Бедняжка умна, но страшна, как грех», — услышала она в детстве от отца в один из сочельников, когда выпивают больше, чем следует. Лапидарная фраза запала в душу Лауре. И вытравить ее, увы, не уда-

¹ Даосская практика символической организации пространства: с помощью фэншуй якобы можно выбрать идеальное место для строительства дома. — *Прим. перев.*

лось даже с помощью психологии, которую она изучила вдоль и поперек.

Лаура протянула тридцать евро тибетской женщине, которая унесла ее сумку и удалилась по-азиатски незаметно.

— Дочка, иди-ка спать. Тебе известно, который час?

Девочка вскочила на татами, который делила с мамой. Марина и Лаура последовали за ней и улеглись рядом. Несмотря на шестилетний возраст, ребенок все еще сосал большой палец. Удовольствие, которому ее мать не препятствовала. Девчушка засунула в рот палец, широко раскрытыми глазами уставилась на Марину и попросила крестную рассказать сказку.

— Ладно, ладно, — согласилась Марина, хотя ни разу в жизни не рассказывала сказок. — Давным-давно...

Увы, ей ничего не приходило в голову.

— Ну ладно, посмотрим... Миленькая, я не слишком привыкла рассказывать сказки, пусть лучше твоя мама.

Лаура засмеялась.

— Нет, подожди-ка. Вот тебе и сказка, — продолжила Марина. — Жила-была принцесса в далекой стране по названию Эфиопия. И звали ее Наоми, а кожа у нее была черного цвета. Жила она среди злаковых полей... в цветном доме... розового цвета.

— В розовом? — переспросила девочка, вынув палец изо рта.

— Закрой-ка глаза, — велела дочке Лаура.

Марина продолжала говорить медленно, постепенно затихая и придумывая первую в своей жизни детскую историю, пока малышка, наконец, не уснула.

Они оставили ее на татами и раздвинули ширму.

— Не знаю, сколько еще придется спать вместе с ней, сколько лет это продлится. Ночью она меня пинает...

Лаура сполна проживала свое материнство, в прямом смысле этого слова. Прежде чем забеременеть, она проработала пятнадцать лет, лишая себя всяческих удовольствий. Это позволило скопить достаточно денег, чтобы вдобавок к скудному четырехмесячному отпуску по беременности и родам, предоставляемому законом, взять двухлетний отпуск на работе, который она посвятила исключительно воспитанию дочери. На протяжении тех лет кормила грудью, как и требовал ребенок. И постоянно носила дитя в «мботу», традиционной африканской переноске, которую Марина купила ей в магазинчике маленького конголезского города на берегу реки Эбола. И очень редко использовала коляску «Макларен», подаренную коллегами из организации «Врачи без границ». И, конечно, не разлучалась с девочкой даже ночью: со дня рождения мать и дочь делили постель.

К тому же с того самого дня, когда малышка покинула ее утробу, Лаура беседовала с ней, как со взрослой. Никакого сюсюканья. Она уверовала в тесную связь материнской речи с развитием интеллекта ребенка. И действительно, у девочки оказался очень богатый словарный запас для ее шести лет.

— Чего ты хочешь на ужин?

— Что-нибудь полегче, меня подташнивает после самолета.

— Давай приготовим «чапати»? И немного салата.

Лаура извлекла из шкафа муку. Марина взяла из второго ящика скалку. Они много раз вместе пекли этот простой индийский хлеб. Лаура не видела смысла ежедневно покупать буханку хлеба, когда с небольшим количеством муки, воды, соли и десятиминутной траты времени можно испечь свой собственный.

— Кто такая эфиопская принцесса? — поинтересовалась психолог, вливая в муку небольшой стакан воды.

Марина понимающе взглянула на подругу, от которой мало что ускользало.

— Я принимала роды, а ее мать умерла, — быстро ответила она, собирая тесто руками.

Лаура молчала, позволяя ей выговориться.

— Иногда мне кажется... — Марина задумалась, не прекращая месить. — Вероятно, этой девочке лучше было бы не выжить.

— Марина, не говори такое.

— Я устроила ее в один дерьмовый приют.

Лаура наблюдала, как Марина всерьез взялась за скалку и раскатывает тесто для «чапати».

— С тобой все в порядке?

Марина отвела взгляд.

— Дети, которым не стоило бы рождаться, появляются на свет, а те, которые, наверно, должны бы родиться, не появляются... потому что им не позволяют их матери, — сделала вывод Марина, бросая «чапати» на сковороду.

Обе они понимали, что означают произнесенные витиеватые фразы. Лаура знала, что этот эпизод жизни Марины непременно к ней вернется. Слишком долго она анализировала психологию женщин — фотографов, врачей, медсестер, логистов — сильных, умных, достигших вершины карьеры, пожертвовав собственным материнством. В какой-то момент жизни, исследуя свою душу, они жалели об этом отречении, столь укорененном в женской сути. Однако в случае Марины следовало копнуть поглубже, чтобы понять: не только стремление к работе заставило ее избавиться от плода, который она носила в своем чреве.

— Ты способна любить ребенка, Марина. Никогда в этом не сомневайся. Ты — не твоя мать, — сказала ей Лаура девять лет назад, положив руку на живот подруги.

А через несколько часов она сопровождала ее в клинику Барселоны, где делали аборт. Несмотря на то, что Марина знала: отец вынашиваемой ею девочки — Джереми, на тридцать лет старше ее, профессор Медицинского университета имени Перельмана, известный своим ученикам как доктор Шерман, никогда не оставил бы ее без помощи.

— Я назвала ее Наоми. — Она снова посмотрела на подругу и грустно улыбнулась.

— Очень красивое имя.

— Кaleb намекнул, что ребенок, видимо, результат изнасилования.

— Ну и ладно, мы никогда этого не узнаем. Кого теперь волнует, кто ее отец? Ты поступила правильно. Девочка найдет приемную семью и будет счастлива.

— Надеюсь.

— А я уверена.

Лаура достала из холодильника салат, кукурузу, лук и помидоры, а Марина положила тесто для «чапати» на сковородку.

— Кстати, о родителях... Должна тебе кое-что сообщить, — изрекла Лаура, открыв кран и помыв салат.

Марина выжидающе смотрела на нее.

— Он — швед.

— Какой еще швед?

— Донор спермы, Марина. Кто же еще?

— Но... как ты узнала? — удивленно спросила Марина.

— От врача, сделавшей мне искусственное осеменение. На одном из последних осмотров я заметила у нее мешки под глазами, она немного похудела, и, хотя мы

и не были друзьями, я спросила, все ли у нее в порядке. А она расплакалась — не больше и не меньше.

— Неужели?

— Ей было известно, что я психолог, и, полагаю, она решила выпустить пар. Типичная история: муж оставляет дома свой мобильный телефон, и жена узнает, что он был с кем-то еще — неизвестно, как долго и с кем. А чтобы ее добить, выясняется, что любовница — лучшая подруга.

Они отнесли «чапати» и салат в гостиную и сели на диван.

— Догадываюсь, что в нынешнем году, в благодарность за мои бесплатные сеансы психотерапии и люблюсь белокурой красавицей, которую я произвела на свет, она мне намекнула, что, когда у них не было достаточно спермы, они покупали ее в шведском банке.

Получив незаконную информацию от подруги, Марина умолкла. Эту тему Лаура и Марина много раз обсуждали в интимных беседах: личность донора спермы. В Испании закон запрещает давать сведения о донорах. Однажды вместе и при содействии Джереми они вышли на американскую компанию Cryobank Association — ведущую частную компанию в области вспомогательной репродукции человека, которая принимала сперму только от студентов Гарвардского, Йельского и Стэнфордского университетов. Вот причина, почему она была в пять раз дороже, чем у остальных компаний данного сектора. «Ассоциация криобанков» позволяла получательницам университетских сперматозоидов даже выбирать цвет кожи, волос, глаз, рост, а также прослушать голос донора.

Лауре показалось заманчивым отправиться в Америку за наилучшей спермой для своего будущего ребенка,

но она была скептически настроена ко всему, что исходило из Соединенных Штатов.

Однажды вечером они вместе отправились в бар в Готическом квартале Барселоны, где за бокалом красного вина и бутербродами с анчоусами Лаура представила себе своего будущего донора, тщедушного студентика точных наук, сидящего в крошечной красной звукопроницаемой комнате банка спермы в центре Филадельфии. Он якобы расстегнул молнию своих джинсов *Levi's 501*, засунул руку в трусы и мастурбирует перед телевизором, где мускулистый белокожий парень с фаллосом в три раза длиннее, чем его собственный, вставляет блондинке с огромными грудями, которая подвывает от удовольствия. Последовали «тапас» с анчоусами, бокалы вина, и в течение вечера женское воображение разыгралось еще пуще... Но они сделали вывод, что процедура забора биоматериала должна быть аналогична процедуре в соответствующих испанских клиниках. Лаура уточнила: с небольшим нюансом — парень-донор может быть и бездельником, исключенным из колледжа.

Тысячу раз прокрутив в голове эту тему и задавшись вопросом, действительно ли американские университетские сперматозоиды получают именно у тех студентов, Лаура решила искусственно оплодотворить себя в родной стране. Не только из-за сомнений в происхождении спермы, но и потому, что в Соединенных Штатах установлен обязательный период в три — девять месяцев: статистика гласила, что вероятность забеременеть с первой попытки составляет всего двадцать процентов. Поэтому процесс мог растянуться на месяцы, а она была не способна представить себе длительное одиночество в Штатах, даже если донором выступит почетный доктор Стэнфордского университета.

Так что в один из январских понедельников 2004 года она позволила случаю решить, какую сперму следует ввести через асептическую канюлю в отделении вспомогательной репродукции университетской Клиники Дешеус в Барселоне. И через девять месяцев в лофте, где они сейчас находились, под песню Леонарда Коэна Марина приняла роды у своей подруги Лауры.

— С той поры, как я узнала об анонимном доноре, биологическом отце моей малютки, он присутствует в моих снах... и мучает меня, правда-правда. Иногда этот отец... даже не знаю, почему я называю его отцом, — перебила она себя, поморщившись, — ...этот донор предстает спокойным и добрым парнем средних лет, блондином, очень красивым, как и моя дочка... и я наблюдаю за ними издали; я тоже будто во сне, все происходит как в фильме; он шагает по пустыне, а моя девочка радостно мчится ему навстречу.

— Приятный сон.

— Да, конечно... А иногда мне чудится, что он бомж-алкоголик, волокущий тележку супермаркета, полную какого-то барахла, по замерзшим улицам стокгольмских трущоб, — завершила свою исповедь Лаура с некоторой тревогой.

— С появлением у тебя тибетской няни ты стала часто ходить в кино, не так ли? — с улыбкой спросила Марина в попытке помочь подруге распутать головоломку.

Обе рассмеялись. Однако на самом деле Лаура не стремилась выяснить, кто биологический отец ее дочери, чье именно семя ввели в ее яйцеклетку. И после того разговора с врачом ей открылся бесконечный мир снов, которого она предпочитала избегать, но не могла, потому что лишь в снах ей являлась та вторая половина ребенка.

— А самое ужасное, — добавила Лаура, — это то, что в Швеции принят закон об отказе от анонимности, и дети, рожденные с помощью вспомогательной репродукции, имеют право узнать личность донора по достижении восемнадцати лет. — Лаура выждала секунду и продолжила: — Хотя я не обязана тебе это говорить.

— Сейчас я позаимствую твою фразу: врать нехорошо, — сказала Марина, улыбаясь.

— Давай оставим эту тему, я и так достаточно думаю о ней по ночам... Лучше скажи, дорогая подружка, как ты все-таки решилась наделить мужа своей сестры полномочиями, после всего, что случилось между вами.

— А что ты хотела, чтобы я сделала? Анна не может справиться с оформлением документов на наследство. Видимо, столкнулась с тысячью бумаг. — Марина нахмурилась. — И она ничего не делает, не посоветовавшись с ним. Но я дала ему ограниченные полномочия. Последнее слово за мной и моей сестрой.

— Все равно страшновато...

Так они беседовали до четырех утра, приправляя разговор приятными сплетнями о «Врачах без границ», вспоминая периоды, в течение которых не виделись, и лелея добрую дружбу, которую поддерживали благодаря искреннему и уважительному общению на протяжении многих лет. Наверняка подруги не смогут увидеться несколько месяцев, а может, даже год или больше. Не имеет значения: они — настоящие счастливицы, чья жизнь одарена сокровищем — крепкой дружбой. Дружбой на всю жизнь, которой они будут гордиться до глубокой старости, советуясь друг с дружкой днем и перешептываясь вечерами за «чапати», бокалом красного вина и «тапас» с анчоусами.

В зимние месяцы компания «Трасмедитерранеа» отправляла из Барселоны до Майорки лишь одно судно в день. Паром вмещал пятьсот восемьдесят девять пассажиров, но на этом маршруте сегодня их было не больше пятидесяти. Мало кто посещал остров зимой. Да и те немногие предпочитали двадцатиминутный перелет из аэропорта Барселоны в Пальма-де-Майорку восьмичасовому путешествию, которое ждало Марину, пока судно пришвартуется в порту Перайрес. На небе были густые облака, и проскользнуть сквозь них удалось единственному робкому лучу солнца. Полсотни пассажиров поспешили внутрь парома, рассаживаясь по своим местам, не сняв пальто. Однако Марина, взойдя на «Сорренто» — так окрестил паром любимый внук владельца компании, — прошла по левому борту к носовой части.

Старый капитан со своего мостика запускал двигателя. «Сорренто» выглядел как корабль-призрак: сто семьдесят метров в длину и двадцать пять в ширину, но почти без экипажа, почти без пассажиров. Кружили чайки, издавая резкие крики в ожидании, что какой-нибудь щедрый рыбак вспомнит о них. Они взмахивали крыльями, взмывая вверх и вертикально планируя вниз. Наблюдая за птицами, Марина оперлась на ржавые перила на носу парома.

Наконец-то Марина оказалась там, где хотела быть.

Конечно, практичнее лететь из аэропорта Барселоны и еще быстрее — прямым из Франкфурта в Пальму, но Марина предпочла заново пережить медленное путешествие, эти восемь часов по водам Средиземного моря. Точно такое же она совершила со своим отцом 21 де-

кабря 1982 года, когда ей было семнадцать лет. Ей требовалось пережить то личное воспоминание, даже если оно переполнит ее ностальгией. Она и могла, и желала вспомнить слово в слово свой последний разговор с человеком, которого любила больше всего на свете — с отцом Нестором Вегой, — на палубе парома, очень похожего на тот, на котором находилась сейчас.

Она взглянула на горизонт. Тогда тоже была холодная зима. Марина училась на последнем курсе бакалавриата в престижной женской школе-интернате Сент-Маргарет в городе Филадельфии. Как и каждый год, в тот раз она приехала, чтобы встретить Рождество в кругу семьи.

— Дочка, ты превращаешься в женщину. Мне нравится, какой ты стала, — сказал ей отец. — Когда я вижу тебя и слышу, меня переполняет гордость.

Это — первые слова, сказанные ей отцом, когда они садились на паром более двадцати пяти лет назад.

— Ну что ты, папа...

— Ежегодно через мой офис проходят сотни людей, и уверяю тебя, они самые разные: встречаются замечательные и не такие уж хорошие, простые, извращенные и даже отвратительные.

Марина улыбнулась. Ее отец был критично настроен ко всему, а иногда даже слишком.

— Надеюсь, что прилагаемые тобой усилия стоят того. Я знаю, тебе было нелегко разлучиться с нами, со мной, с Анной, с бабушкой Нереей. — Он сделал паузу, поколебался, но все-таки выдал: — И с твоей мамой.

Марина отвела от него взгляд. Зачем ему понадобилось упоминать ее мать? Он ведь знал, что она по ней не скучала... Нестор взял дочь за руку. Он постарался сделать то Рождество спокойным, без криков и упреков.

Ему было известно, что мать и дочь не могут провести более двух дней подряд, чтобы не взорваться, чтобы одна из них не разрыдалась, а другая не оказалась на грани нервного срыва. Его дочь Марина заслуживала спокойного Рождества... Они смогут, укутавшись, выходить в море на его шаланде, когда позволит зимняя погода.

— Поговорим о твоём будущем, дочка. Как ты собираешься распорядиться своей жизнью? — спросил Нестор.

— О чём ты, папа?

— О твоей жизни. Она вся у тебя будет впереди, когда ты покинешь Сент-Маргарет.

— Пока не знаю.

— На нашем острове нет университета, поэтому продолжить учебу можно в Мадриде, где учился я, или здесь, в Барселоне. Или...

Марина прервала его. Она знала третий вариант, который ей предложат, но не хотела о нем и слышать.

— Я не знаю, папа. Сейчас не могу ответить. Видишь ли, очень сложно, когда в семнадцать лет тебя заставляют решать, что делать дальше и кем быть всю оставшуюся жизнь.

— Да, верно. Но жизнь так устроена.

— Не представляю себя в другом городе, где надо начинать с нуля. Опять одиночество... Иногда мне кажется, что не стоит продолжать учебу.

Нестор ужесточил тон.

— Дочь, что ты такое говоришь? — разочарованно сказал он. — Будет очень жаль. Ты провела четыре года в одной из лучших американских школ-пансионатов и подготовлена к поступлению в любой университет мира. У тебя отличные отметки, даже более чем отличные... Вот ты не дала мне закончить фразу. Конечно, ты

могла бы учиться в Мадридском университете или в Барселоне, но мне прислал письмо директор Сент-Маргарет.

— Знаю, папа, — снова перебила Марина. — Может, мне дадут стипендию в Медицинском университете Филадельфии, — продолжала она без энтузиазма. — Он мне уже сообщил.

— И это тебя не радует, дочка? Тебе известно, что значит подобное для твоего будущего?

— Директор считает, что я могла бы туда поступить. Но впереди еще длинный путь. И мне предстоит сдавать экзамен, похожий на вступительный, а это непросто.

— Поступишь, дочка. И экзамен выдержишь с отличием. Я уверен. Если, конечно, захочешь. Если пройдешь тесты, тебе предложат полную стипендию, и ты получишь лучшее медицинское образование, какое только может получить врач. А ты того заслуживаешь.

Марине не хотелось обсуждать ни свои успехи в учебе, ни свое будущее, ни что-то еще, имеющее отношение к тому, за что ее ценили. Ей вполне достаточно просто молча обнимать отца на потрепанном пароме. Восполнить потерянное время; видеться с ним лишь два месяца в году — маловато. Она жила за тысячи километров в течение девяти месяцев, а теперь, когда была всего в нескольких миллиметрах от него, нуждалась только в тишине да в проявлении любви. И никаких разговоров вокруг ее успехов в учебе. Однако Нестор, не способный уловить это чувство, все настаивал на перспективе светлого будущего, которое предсказывал.

— Послушай, я расскажу тебе кое-что... Помнишь, когда я был у тебя в прошлом году, возвращаясь из Вашингтона с медицинской конференции?

Марина кивнула, не глядя на него. Ну почему он не умолкнет, наконец?

— На том конгрессе я познакомился с американским гинекологом. Фармацевтическая компания — организатор мероприятия — поселила нас в одном отеле, и в первый же вечер мы встретились в пиано-баре. Пианист был очень старый, грустный и тощий, импровизировал на тему песни Фрэнка Синатры «Fly me to the moon». — Нестор улыбнулся при этом приятном воспоминании.

— Папа, а покороче нельзя?

— Обожди секунду, не будь такой нетерпеливой. Пианист был никудышный, и гинеколог сказал мне: «Не знаю, может, лучше выплатить ему гонорар за весь вечер и попросить, чтобы перестал нас мучить». Мы посмеялись. Затем он смиренно протянул мне руку и представился. Подчеркиваю — со смирением, потому что все на конгрессе знали, кто он такой — выдающийся, всемирно известный гинеколог. Зовут его Джереми Шерман. Он приятный парень, чуть старше меня и, что любопытно, влюблен в Майорку. Путешествовал здесь со своей будущей женой и, что самое приятное, попробовал «брют-рис» в таверне Вальдемосы. Невероятно, правда?

Нестор посмотрел на дочь, которая слушала его, все еще понуриив голову и явно не желая слышать.

— Ну вот, а остаток недели мы провели вместе в промежутках выступлений докладчиков. У нас даже возникло что-то вроде дружбы... Мы регулярно переписываемся, а еще он присылает мне журналы по гинекологии, которые невозможно добыть на острове. Марина, он — декан Медицинского университета имени Перельмана. И я уверен, поможет нам, если ты захочешь там учиться.

Марина взглядывалась в море, которое было спокойным, несмотря на зимний период.

— А в последний день конференции мы уселись на табурете рядом с пианистом, напевая «Fly me to the moon»... Жалкое исполнение... Но Джереми — хороший парень, он нам поможет.

Нестор ждал ответа дочери.

— Папа, я хочу вернуться на Майорку. Хватит с меня одиночества в семи тысячах километров от всех вас, понимаешь?

Нестор строго посмотрел на Марину, и она выдержала взгляд, стараясь показать уверенность.

— Да, папа, я буду работать. Как и многие молодые люди, решившие не продолжать учебу.

— Так ты собираешься бросить учебу? Дочь, обдумай все как следует, ради бога. И кем же ты намерена трудиться?

Он не повысил голос, но его тон был резким и хорошо знакомым дочери.

Марина взяла отца за руку, зная, что разочаровывает его. И это причиняло ей боль. Но она уже слишком многое решала самостоятельно и убедилась, что, несмотря на свои семнадцать лет, хочет стать хозяйкой собственной судьбы.

Нестор оперся о поручни судна. Он не мог понять свою дочь.

— Папа, я не знаю, как сложится моя судьба. Но мне известно одно: я хочу вернуться. Хочу вернуться, папа. Я так скучала по вас... так много вечеров я провела в Штатах в одиночестве. Хочу быть с тобой, с бабушкой Нерей, какой бы маразматичной она ни стала и даже если бы она совсем меня не узнавала, а также хочу быть с Анной. Это единственное, в чем я полностью уверена: вернуться.

Чайки продолжали свой полет; ей показалось, что они перестали кружить и образовали треугольник. По-

вар «Сорренто» подошел к перилам с черствым батоном в руках.

— Они меня дожидаются, знают, что я их не подведу, — серьезным тоном сказал кок Марине.

Она наблюдала, как два моряка отдали швартовы у пристани Ботафорта, и «Сорренто» медленно взял курс на Майорку.

Анна представила себе, что паром уже покинул порт Барселоны. Она снова задалась вопросом, почему Марина предпочла плыть восемь часов в холоде на этом неудобном судне, а не сесть на самолет авиакомпании «Райанэйр» всего за шестьдесят евро, которые она для нее нашла. Увидев сверхтонкую иглу, наполненную ботулиническим токсином, которая вот-вот проткнет угол ее верхней губы, она тут же забыла о своей сестре. Глаза Анны расширились, когда она заметила, как большой палец пластического хирурга медленно давит на поршень шприца, выталкивая смесь сыворотки и порошка ботокса, содержащуюся в полупрозрачном цилиндрике. Это первый из оставшихся двадцати булавочных уколов, помеченных штрихкодом.

Хирурга звали Кука. Она вынула иглу шприца из кожи лица Анны, которая не почувствовала боли, но побледнела. У нее закружилась голова, и, чтобы не видеть шприца, она осмотрела стерильный кабинет, в котором находилась. Металлические коробки, жидкости, шприцы, ватные тампоны и большие емкости со спиртом. И снова игла проникла в кожу. Почувствовав холодный пот на ладонях, Анна расцепила их и ухватилась за металлическую кушетку, на которой лежала под углом

в сорок пять градусов. Сама того не желая, ощутив металл потными руками, она вспомнила свою детскую боязнь иголок. А также тот вечер, когда ей едва исполнилось семь лет и она пряталась с Мариной под кроватью бабушки Нерей: они увидели, как их отец открыл свой черный саквояж, полный игл в упаковках. И обе умчались в комнату бабушки. Дочерей Нестор нашел через полчаса и после строгого выговора сделал им прививку от оспы. Анна визжала так, будто настал конец света, удивляясь спокойному поведению своей младшей сестры, которая уже получила прививку, не проронив ни единой слезинки, и раскладывала отцовские шприцы, вынутые из портфеля...

Анна почувствовала, как игла выходит из кожи. Сстиснула зубы, сжала челюсти. Ватный тампон лежал на маленькой капле крови, стекавшей с губы. Она увидела белые латексные перчатки, державшие ватку, и слабо вздохнула, стараясь не шевельнуть ни одним мускулом. Теперь холодный пот достиг подмышек, появилась слабость в ногах. Хирург взяла ватку, слегка окрашенную в красный цвет. Увидев свою кровь, Анна закрыла глаза.

Накануне вечером ее осенила блестящая идея заглянуть в компьютер дочери и ввести слово «ботокс». Тридцать восемь миллионов записей. Она кликнула на первую. И когда теперь получила второй прокол, перед ее закрытыми глазами словно ожил экран компьютера, и она вспомнила жуть, циркулировавшую в виртуальном мире о *Clostridium botulinum*, микробе, который ей только что ввели. Первое предложение, попавшееся на глаза, гласило:

«Всего одного грамма ботулинического токсина достаточно, чтобы убить миллион морских свинок». Текст сопровождался несколькими фотографиями этих жи-

вотных, подвергшихся жестокому опыту в лаборатории какого-то неуказанного места в Северной Америке.

Она приоткрыла один глаз, левый. И уставилась на Куку, которая снова нажимала на поршень шприца большим пальцем.

«Поскольку эта дураха ввела мне ошибочную дозу, я так и умру на кушетке».

Хирург, чувствуя, что за ней наблюдает левый глаз пациента, откинулась назад.

— Все нормально? — спросила она, отдаляя шприц от лица.

— Жарковато здесь, правда? — нашлась Анна, приподнимаясь и садясь.

— Да ладно тебе, жарко... Не помню такой холодной зимы за всю жизнь. Отопление включено на двадцать шесть градусов. Если хочешь, немного убавлю.

— Наверно, это из-за менопаузы, — вздохнула Анна, удивившись своему импровизированному объяснению. Ведь ей было еще несколько лет до пятидесяти, и месячные у нее были регулярно. — Дай-ка мне попить.

Дело в том, что Кука была ей вроде подруги, по крайней мере пока она не докажет обратное. Обе учились в школе Сан-Каэтано. Кука была на два года младше и ходила в один класс с Мариной. К тому же Курро, муж Куки, известный на Майорке нотариус и один из основателей компании «Джей Си & Бэйкер», влиятельной на острове юридической конторы, и Армандо, муж Анны, тоже дружили в детстве и потом стали членами Королевского морского клуба Пальмы. Каждое лето обе супружеские пары совершали совместные прогулки на своих катерах, поочередно то на одном, то на другом. Кроме того, подруги встречались на обедах для женщин, которые устраивал клуб. Там

они доверительно рассказывали друг другу о своих детях, мужьях и морщинах, сближаясь еще больше.

Кука протянула Анне стакан воды.

— Просто вчера я прочитала об этой дряни, которую ты мне впрыскиваешь. — И указала на шприц. — Болтают сплошной ужас, будто это вещество в тридцать миллионов раз смертоноснее яда кобры и что «Аль-Каида»¹ производит его как оружие массового поражения.

— Что-что? — насторожилась Кука, опираясь о стол.

— В интернете, конечно, не стоит подолгу сидеть, — продолжала Анна, отхлебнув воды, — там несут всякую чушь... Но все-таки мне стремно. Может, теперь для избавления от пары морщин стану выращивать ромашки.

Высказывания пациентки подтвердили подозрения Куки: ее подруга не только наивна, но и глупа.

Пару лет назад Кука, лежа топлес на палубе яхты мужа, просматривала журнал «Природа и жизнь», где прочитала, что ботокс применялся как оружие массового поражения, запрещенное Женевским протоколом... Однако эта статья, научно-фантастическое чтиво для летнего отдыха, лишь позабавила ее, а побочные эффекты ботулинического токсина не волновали и вовсе. Она давно поняла, что не желает продолжать работать врачом службы социального обеспечения за мизерную зарплату. Слишком частые дежурства в университетской больнице Сон-Дурета, чересчур много пациентов и чересчур много лет проработала, но жалованье не достигло и двух тысяч евро в месяц. Так что благодаря этому *Clostridium botulinum* она открыла собственную частную клинику и, самое главное, смогла заменить старый

¹ Арабская террористическая группировка. — *Прим. перев.*

шестиметровый катер тридцатипятиметровой яхтой... Вот таких подруг и посещала Анна.

— Продолжим завтра?

— Нет, нет, — ответила она, снова откинувшись на кушетку. — Страшновато. А нет ли у тебя ибупрофена?

В явном раздражении Кука открыла шкаф, полный пузырьков и коробочек с таблетками. Она извлекла 600-миллиграммовую таблетку и протянула ей.

— У меня не осталось воды, — застенчиво улыбнулась Анна.

Кука снова наполнила стакан и поднесла ей, уже сожалея о скидке, которую обещала сделать, поскольку они были подругами.

Отхлебнув воды, Анна вернула стакан врачу.

— Я включу тебе музыку, она расслабляет.

Очевидно, хирург думала не о пациенте, а о себе. Ей потребовалась успокоительная мелодия, которая звучала в центре Кундалини-йоги на Майорке. Она слушала ее каждый день вместе со многими женщинами среднего возраста, которые следовали инструкциям Карлоса Шанкара Авиты, а на самом деле — Карлоса Фернандеса Фернандеса, дерзкого парня, ежегодно посещавшего индуистские ашрамы, которому удалось основать собственную школу и с которым Кука иногда занималась сексом.

Звучание струн ситара сменилось успокоительной музыкой. А шестьсот миллиграммов ибупрофена начали действовать.

Кредитная карточка Анны медленно скользнула по банковскому терминалу в клинике Куки. Анна вспомнила, что многое еще надо успеть к приезду Марины.